

Научная статья

УДК 81-2

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-126-134

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ШТОРМА В МОРСКОМ НАРРАТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. М. СТАНЮКОВИЧА, В. С. ПИКУЛЯ, В. В. КОНЕЦКОГО)

Елена Михайловна Мартынова

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел, Россия, lm1973@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0686-4304

Аннотация. В статье представлены результаты сопоставительного анализа лингвистических стратегий изображения шторма как полифункционального образа и значимого элемента архитектоники морской прозы русских писателей-моряков К. М. Станюковича, В. С. Пикуля, В. В. Конецкого. Определены авторские концепции описания морской стихии; выявлены сходства и различия в репрезентации шторма; отобраны и категоризированы языковые средства, служащие для реализации замысла автора. К сходствам относятся: изображение героических будней моряков, величия стихии через эмоциональное состояние персонажей, которые, сталкиваясь с гневом океана, испытывают одновременно восторг и ужас; документальность повествования; фокус на аудиальном компоненте штормового пейзажа; употребление морской терминологии, звукоподражательных глаголов, антропоморфных, натурморфных, зооморфных метафор и сравнений. Различия в авторском видении определяются жанровым своеобразием, тональностью, темпоральной и ритмической композицией, языковой спецификой. Для морского нарратива К. М. Станюковича характерны эпичность, высокая эмоциональность, психологизм; описание шторма построено на контрасте; в центре внимания автора — преодоление моряками страха перед стихией; лексическое своеобразие обусловлено множеством ярких эпитетов. Штормовому дискурсу В. С. Пикуля присущи динамичность, острота, драматизм, имплицитность эмоций; использование коротких предложений, глаголов резкого действия, ономотопеи, стремительной смены образов; на переднем плане — описание действий, физических ощущений. В путевой прозе В. В. Конецкого стихия выступает поводом и фоном для серьёзных размышлений на актуальные темы: о профессии моряка, литературном творчестве, ключевых понятиях — мужестве, мудрости, взрослении. Авторской риторике свойственны философичность, ироничность, сдержанность. Интеллектуальное и личностное переживание эксплицируется в максимально метафоризированный текст.

Ключевые слова: маринистика, морской нарратив, лингвистическая стратегия, шторм, метафоризация

Для цитирования: Мартынова Е. М. Лингвистические стратегии репрезентации шторма в морском нарративе (на материале произведений К. М. Станюковича, В. С. Пикуля, В. В. Конецкого) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 126–134. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-126-134.

Original article

LINGUISTIC STRATEGIES OF STORM REPRESENTATION IN THE MARINE NARRATIVE (BASED ON THE WORKS OF K. M. STANYUKOVICH, V. S. PIKUL, V. V. KONETSKY)

Elena M. Martynova

Federal Guard Service Academy of the Russian Federation, Orel, Russia, lm1973@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0686-4304

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of linguistic strategies for depicting the storm as a multifunctional image and a significant architectonic element of the marine narrative of Russian writers K. M. Stanyukovich, V. S. Pikul, V. V. Konetsky. The author's concepts of describing the sea nature are defined; similarities and differences in the representation of the storm are revealed; linguistic means used to implement the author's idea are selected and categorized. The similarities include the portrayal of the heroics of sailors' everyday deeds, the magnificence of nature through the emotional state of the characters, who, when faced with the wrath of the

ocean, experience both delight and horror; documentary narration; focus on the auditory component of the stormy landscape; use of marine terminology, onomatopoeic verbs, anthropomorphic, naturmorphic, zoomorphic metaphors and comparisons. Differences in the authors' visions are determined by genre specifics, mood, temporal and rhythmic composition, and linguistic uniqueness. K. M. Stanyukovich's marine narrative is characterized by epic feeling, high emotionality, and psychological insight; the description of the storm is based on contrast; the author focuses on sailors overcoming the fear of nature; lexical specifics is provided by the multitude of vivid epithets. V. S. Pikul's "stormy" discourse is characterized by dynamism, sharpness, drama, implication of emotions; the use of short sentences, abrupt verbs, onomatopoeia, and rapid image change; in the foreground is a description of actions and physical sensations. In V. V. Konetsky's travel prose, the nature acts as a cause and background for serious reflection on relevant topics: the profession of a sailor, literary creativity, and key concepts such as courage, wisdom, and maturity. The author's rhetoric is characterized by philosophy, irony, and restraint. Intellectual and personal experiences are explicated in the extremely metaphorical text.

Keywords: marine literature, marine narrative, linguistic strategy, storm, metaphorization

For citation: Martynova EM. Linguistic Strategies of Storm Representation in the Marine Narrative (Based on the Works of K. M. Stanyukovich, V. S. Pikul, V. V. Konetsky). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):126-134. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-126-134.

Введение

Обширное пространство маринистики можно подразделить на множество субжанров: классическую / приключенческую маринистику, фокусирующуюся на описании захватывающих событий, противостоянии опасностям на пути к цели (Р. Л. Стивенсон «Остров сокровищ», Р. Сабатини «Одиссея капитана Блада», Ж. Верн «Дети капитана Гранта» и др.); производственную маринистику, акцентирующую внимание на тяжёлом труде моряка, преодолении трудностей морской службы (В. В. Конецкий «Солёный лёд», «Вчерашние заботы», Ю. С. Крымов «Танкер «Дербент»» и др.); морской исторический роман, действие которого основывается на событиях прошлого: географических открытиях, освоении новых земель (Л. Бергрин «Марко Поло: от Венеции до Ксанаду», Ж. Блон «Великие тайны океанов. Атлантический океан. Тихий океан. Индийский океан» и т. д.); военную маринистику, повествующую о подвигах моряков, тяготах военно-морской службы, сражениях на море (А. С. Новиков-Прибой «Цусима», В. С. Пикуль «Моонзунд», «Три возраста Окини-сан», «Крейсера» и т. д.); психологическую / философскую маринистику, в которой на первый план выдвигается внутренний мир героев, их душевное состояние, рефлексия в условиях изоляции, психологического давления, формирование характера моряка, этика морской профессии (Э. Хемингуэй «Старик и море», В. В. Конецкий «За доброй надеждой», Л. С. Соколов «Морская душа» и др.); научно-фантастическую маринистику (Ж. Верн «Двадцать тысяч льё под водой», А. Н. Громов «Ватерлиния», П. Уоттс «Рифтеры» и т. д.). Разумеется, выделенные разновидности редко существуют в чистом

виде, они пересекаются и обогащаются, вбирая в себя всё лучшее, что есть в этом жанре.

Материалы и методы исследования

Целью настоящего исследования стало изучение лингвистических стратегий описания одного из стихийных явлений — шторма — в произведениях трёх русских писателей-маринистов, а, скорее, писателей-мореходов, т. к. все они в своё время состояли на морской службе, К. М. Станюковича, В. С. Пикуля и В. В. Конецкого. Актуальность выбранной темы подчёркивается неослабевающим интересом исследователей к творчеству этих литераторов, внёсших неоспоримый вклад в развитие отечественной маринистики, а также необходимостью более глубокого осмысления отдельных аспектов их творческой деятельности. Новизна проведённых научных изысканий состоит в выявлении аналогий и специфических черт «штормового» нарратива данных авторов. В процессе исследования использовались методы сплошной выборки, сопоставительного и контекстуального анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Учёные дают высокую оценку значимости морской прозы Константина Михайловича Станюковича для русской литературы, считают его основоположником русской маринистики, первым, «кто повернул корабль на неизведанный курс» [14. С. 3], ставят его на одну ступень с Л. Н. Толстым и И. С. Тургеневым [19. С. 79], проводят параллели с живописью, называя писателя «Айвазовским слова» [3. С. 93]. Обобщившая мнения литературоведов и представившая целостную картину творчества писателя исследовательница из КНР Чжан Менцзя подчёркивает реализм прозы автора, стремление к индивидуализации

портретов моряков, отображению национальной специфики образов, трансляции «живого языка моряков» [20. С. 100–103].

Среди особенностей творчества Валентина Саввича Пикуля литературовед И. С. Макарова выделила морской антураж, неповторимую атмосферу, жаргон и специфику матросского быта, акцент на самоотверженности верой и правдой служащих отечеству моряков, применение приёма олицетворения в описании морской стихии и кораблей с их характерами и биографией [7]. В фокусе лингвистических и литературоведческих исследований военно-морской прозы В. С. Пикуля оказываются назначение морского жаргона в его романе «Океанский патруль» [6]; функционирование терминов-эпонимов в военно-морском дискурсе [4]; уникальность русского Севера [1].

Путевая проза представителя субжанра производственной маринистики Виктора Викторовича Конецкого отличается автобиографизмом, психологизмом, документальностью, юмором, самоиронией, элементами приключенческого романа [18. С. 381–382]; лиричностью, исповедальностью [17. С. 651]; драматургией, философичностью, пейзажностью, многослойностью и полифоничностью [8. С. 6]. Писатель-гидрограф А. Н. Мягков называет В. Конецкого создателем традиции «интеллектуальной маринистики» [8. С. 7].

Море в произведениях названных авторов является равноправным действующим лицом. Оно практически постоянно присутствует в кадре как неотъемлемая часть пейзажа и выступает антагонистом героев, испытывающим их на прочность. По утверждению исследователей, море в изображении В. С. Пикуля антиномично — связано и с рождением, колыбелью, и со смертью [1. С. 114–115]. В повести «Солёный лёд» В. В. Конецкий также называет «солёную купель» своей родиной и местом, где он хочет умереть [5. С. 445, 591]. К. М. Станюкович рисует классический образ стихии, задействуя все органы восприятия: зрение, слух, обоняние, осязание и вкус [2. С. 346].

В русской литературной традиции шторм предстаёт как существенный сюжетобразующий элемент и многофункциональный образ. Однако цели и стратегии использования этого феномена в повествовании разных авторов могут значительно отличаться.

К. М. Станюкович моделирует эпический образ шторма, основываясь на контрасте, который присутствует в описании эмоционального и физического состояния впервые столкнув-

шегося со штормом новичка (мичман Александр Опольев в рассказе «В шторм»; гардемарин Володя Ашанин в повести «Вокруг света на «Коршуне»») и бывалого матроса (старший штурман Иван Иванович в рассказе «В шторм»; Степан Ильич в повести «Вокруг света на «Коршуне»»). Писателя привлекает возможность показать буйство стихии, увиденное глазами тех, кому довелось наблюдать это явление в первый раз. Для закалённых моряков, говоря словами Ивана Ивановича, это «дела-с обыкновенные на море» [15. С. 105].

Рассказ «Пассажирка» также построен на противопоставлении, на этот раз мирного беззаботного плавания, повышенного внимания и предупредительности офицеров по отношению к вскружившей им головы обворожительной пассажирке Вере Сергеевне до шторма и чёткого выполнения ими своих обязанностей во время бури. Писатель через восприятие Веры прослеживает мгновенное перевоплощение моряков: капитан из *смешного, лебезившего ухаживателя, говорившего пошлые любезности, превращается в морского волка; Степан Дмитриевич со своим комичным самонимом о прелести своей персоны был теперь далеко не смешон, спокойно и уверенно распоряжавшийся авралом* и т. д. [15. С. 380]. В центре внимания писателя оказываются отвага и самоотверженность профессионалов.

Морской прозе К. М. Станюковича присуща высокая эмоциональность. К. М. Станюкович живописует шторм глазами мичмана Александра Опольева, который испытывает сильные эмоции: *жгучее чувство страха, благоговейное смирение и покорное сознание слабости «царя природы»* [15. С. 107]; *жестокый страх, покорное оцепенение* [15. С. 111]. Те же болезненные ощущения преследуют и гардемарина Володю Ашанина: *чувство беспомощности и сиротливости; ему делалось невыразимо жутко; полный жгучего страха* [16. С. 92–94]; *в трепетном страхе; смотрит (...) застывшим от ужаса взглядом; смертельной тоской; малодушный страх* [16. С. 96]; *В этот мучительный день на Немецком море Володя не навидел морскую службу, а море, которое он видел в иллюминатор, внушало ему отвращение* [16. С. 100]. Однако чувство стыда и чувство долга у моряков пересиливают страх.

Эмоциональность свойственна и стихии: *расшвыревшая стихия* [16. С. 95]; *беснующееся море* [16. С. 95]; *ветер свирепо гудел* [15. С. 380]; *ветер (...) потрясает их, точно негодую, что встретил препятствие* [15. С. 108].

Образ океана в одном из его крайних проявлений вызывает у юных и неискушенных моряков не только ужас, но и восторг перед его мощью: *величественное зрелище бушующего океана; грозное величие стихийной силы* [15. С. 107]; *полный какого-то благоговейного ужаса и в то же время инстинктивного восторга* [16. С. 94]; *смотрел на грозную и величественную картину шторма* [16. С. 95].

Экспликация обозначенной авторской стратегии обеспечивается разными языковыми средствами. Шторм получает атрибутивы, обозначающие чрезмерность: *адская качка* [16. С. 92], *ужасная качка* [16. С. 101], *серьёзная трёпка* [16. С. 93], *убийственная трёпка* [16. С. 97], *анафемское волнение* [16. С. 104], *жестокий шквал* [16. С. 379], *качка делалась нестерпимее* [16. С. 100]. Автор использует большое количество эпитетов, обозначающих высокую степень наличия какого-либо качества: *бездонная пропасть* [16. С. 92]; *бешеная сила* [15. С. 107]; *дикая мощь* [16. С. 95]; *необъятное море, громадные валы* [16. С. 95].

Действия стихии репрезентируются глагольными лексемами *бушевать, биться / разбиваться, обрушиться, нестись, кипеть, заливать, валять, кидать, бросать (из стороны в сторону), дергать* и их производными.

Многогранна аудиальная составляющая рисунка пейзажа. Звучание стихии актуализируется звукоподражательными глаголами: *реветь, грохотать, выть, шуметь, гудеть*; звуки, издаваемые транспортом, транслируются глаголом: *скрипеть*. Моряки добавляют в общую звуковую картину свои голоса: *грозные окрики капитана, отчаянные ругательства боцманов*.

В повести «Вокруг света на «Коршуне»» лексема *шторм* часто заменяется разговорным синонимом *трёпка*, регулярно употребляются производные глагола *трепать*: *трепанет, потреплет* и др. Матросы называют шторм просторечным *штурма*, причём в женском роде (*штурма настоящая* [15. С. 101]; [16. С. 99]). Старые «морские волки» Иван Иванович (рассказ «В шторм») и Степан Ильич (повесть «Вокруг света на «Коршуне»») используют по отношению к стихии фамильярное *штормяга (настоящая штормяга, форменный штормяга* [15. С. 106]; [16. С. 98]). Жаргон Степана Ильича включает также такие выражения, как *преподлая качка, разлимонит* [16. С. 98].

Повествование характеризуется обилием профессиональной морской терминологии: *бимс, рангоут, леер, шпигаты, боканцы, галс, бейдевинд,*

ют и др.; лексики, связанной с парусными судами: *марселя, триселя, бизань, шканцы, стеньга, грот*; устаревших географических наименований: *Немецкое море* (Северное море), *Каптоун* (Кейптаун), *Шербург* (Шербур), *Батавия* (Джакарта).

В описании шторма многочисленны **натурморфные метафоры**: *холмистая поверхность волн* [15. С. 107], *водяные горы* [15. С. 107], *лощина, образуемая двумя валами* [15. С. 107], *водяные глыбы* [16. С. 96], **реаморфные метафоры и сравнения**: *крохотная скорлупка* [16. С. 108], *водяной гроб* [16. С. 92], *точно в гигантском котле* [16. С. 95]; *покроет своим водяным саваном* [16. С. 96]; *корвет, словно щепку, бросало* [16. С. 30] и **зооморф**: корвет «Коршун» напоминает гигантскую птицу [16. С. 96].

Детальное описание шторма у В. С. Пикуля встречается лишь в романе «Океанский патруль», в остальных произведениях шторм изображается ёмко и лаконично. В романе шторм репрезентируется сквозь призму восприятия юного моряка Сергея Рябинина, сына командира траулера, что обнаруживает несомненное сходство со стратегией К. М. Станюковича. Однако в отличие от последнего, В. С. Пикуль показывает противоборство человека и стихии без лишних сантиментов. Ужас одолевает Сережку Рябинина только в тот момент, когда его смывает за борт [11. С. 182]. Зато эмоция океана во всех зарисовках прослеживается четко — это гнев: *гневно кипящее море* [10. С. 154]; *пена (...) лежала на трапах, гневно пузырясь и вскипая* [10. С. 34]; *океан (...) свирепел в десятибалльном шторме* [11. С. 351]; *неистовое бешенство ветров* [12. С. 336].

Моряки В. С. Пикуля относятся к морю как к равному. В романе «Океанский патруль» командир боевого катера для поиска подводных лодок противника Вахтанг Беридзе так говорит о суровом Баренцевом море: «Баренцево море любит, когда с ним обращаются только на «вы», но мы, однако, предпочитаем иметь с ним дело только на «ты»... [12. С. 298]!»

Морскому нарративу В. С. Пикуля присущи динамичность, накал и драматизм, которые достигаются выбором глаголов резкого действия и звукоподражательных метафор и сравнений.

Глаголы резкого действия свойственны стихии (*упала, разбилась, захлестнул, порвал, рушились, обрушился, отбросила*) и человеку (*юркнул, вжался, вскочил, бросился вперёд, упорно продвигался к цели*). Характерное для шторма длительное действие напоминает В. С. Пикулю кипение / бурление: *вода ещё бурлила у самого горла* [11. С. 181];

бесноватая баламуть шторма [11. С. 162]; *забортная кипень* [11. С. 182]; *пляшущую толчею волн* [12. С. 336]; *белые клокочущие струи* [11. С. 181]. В повести «Мальчики с бантиками» среди дескрипций шторма встречается уже знакомое по произведениям К. М. Станюковича фамильярное *штормяга* [10. С. 154].

Звуковую картину шторма составляют свист (*свистопляска шторма* [12. С. 337], *свистящие усы солёной пены* [12. С. 27]); грохот (*грохочущие штормом океанские дали* [12. С. 113]; *прокатилась с грохотом* [11. С. 182]); звон (*водяная гора (...) разбилась на мириады брызг с протяжным звоном* [11. С. 181]); шипение (*волны со зловещими шипящими гребешками* [11. С. 181]); вой (*винты, рассекая уже не воду, а воздух, иногда завывали так, что было жутко* [9. С. 87]); скрежет (*все слышали скрежет раздираемого железа* [9. С. 164]).

Одушевлены все составляющие шторма: *волны, отяжелевшие и ленивые, сонно ворочались за бортом, заглядывая в иллюминаторы транспорта; облизывали палубу волны; чересчур резвый и острый ветерок, бойко рыскавший по закоулкам корабля* [11. С. 178–179]; *тяжело гуляла океанская зыбь* [13. С. 45].

Помимо антропоморфов, обнаруживаются **натурморфы** (*водяные насыпи* [12. С. 336]; *водяная гора; точно снежные горы; точно громадная пустотелая льдина* [11. С. 181]); **фитоморф** (*пена, похожая на разорванные капустные листья* [10. С. 34]); **зооморф** (*в её покачивающемся гребне было что-то змеиное* [11. С. 181–182]).

Необходимо отметить ярко выраженные зооморфизм и антропоморфизм в описании кораблей: *беззащитные транспорты разбрелись в океане, как стадо без пастуха* [11. С. 287]; *старая гвардейская лодка, (...) казалось, плакала, сознавая свою непригодность* [11. С. 474]. *Суда похожи на скользких пронирыливых рыб, всплывших наверх подышать свежим воздухом* [12. С. 336]; они цепляются за грунт *тяжёлыми лапами якорей* [12. С. 225]; их корпуса выглядят *хищными* [10. С. 181], а форма форштевня напоминает *бивень* [12. С. 63].

Аутентичность нарратива достигается использованием профессиональной лексики, которой писатель не злоупотребляет: *фальшборт, шкентеля с мусингами, рундук, кильблок, рым, планширь* и др. Тем не менее он уделяет большое внимание специальной штормовой экипировке и снастям, упоминая *штормовые костюмы, плащи, сапоги, куртки, очки; штормовые леера, сетки, носилки, чернильница, штормтрапы*.

К. М. Станюкович и В. С. Пикуль проецируют происходящие на море процессы на человека. Штормовое настроение бывает свойственно высокопоставленным офицерам, которые не сдерживают свой гнев. В обоих случаях это люди, облеченные высшей властью на флоте, — адмиралы. Так, в повести К. М. Станюковича «Вокруг света на «Коршуне»» у адмирала два состояния: «штормует» и «заштиле». В первой ситуации гардемарин — *«щенки», которых следует повесить на нока-реяx, а во второй — «любезные друзья»* [16. С. 404].

В романе В. С. Пикуля «Крейсера» мичман Житецкий делится со своим товарищем мичманом Панафидиным правилами поведения с адмиралом Рейценштейном (пример 1):

(1) — Поменьше лирики. В разговоре следи за его левым глазом. Как только адмирал начнет его задраивать, словно иллюминатор перед штормом, ты сразу снимайся с якоря... Полный ход [9. С. 22]!

Метафора шторма появляется и в описании других не менее серьезных психофизиологических состояний: любви и болезни, одолевающих персонажей. В рассказе К. М. Станюковича «Пассажирка» «очаровательная вдовушка» лишает капитана сна, *точно в штормовую погоду* [15. С. 370].

В романе «Океанский патруль» с помощью аналогии со штормом В. С. Пикуль передает волнение лейтенанта Артема Пеклеванного, только что объяснившегося в любви Вареньке Китежевой (пример 2):

(2) В узком кормовом коридоре его зашатало, как в шторм, бросая плечами от одной переборки к другой [11. С. 393].

В повести «Мальчики с бантиками» В. С. Пикуль сравнивает со штормовой волной накатывающей болезни (пример 3):

(3) Юнги сдавали экзамены, словно в шторм, — волна накатывала на другую. Один поток отчитывается в знаниях — и в лазарет! Назавтра тянут билеты те юнги, которые только вчера из лазарета выбрались [10. С. 160].

В «повести-странствии» В. В. Конечного «Солёный лёд» через шторм проходит не мальчишка, а зрелый, умудрённый опытом моряк. Автор описывает стихию с позиции своих профессиональных обязанностей капитана дальнего плавания (записи в судовом журнале, проверка креплений и стопоров), пытается объяснить читателю «физику» происходящих на море процессов [5. С. 452]. Путевую прозу В. Конечного отличает

сфокусированность на рефлексии. Для писателя шторм — это источник обстоятельных размышлений о профессии моряка, литературном труде, таких понятиях как осторожность, мудрость, мужество, взросление и др. Однако автор фиксирует вызываемые стихией чувства: от злости, усталости, раздражения [5. С. 452] до всепоглощающего восторга, выплескивающегося в песне «В Кейптаунском порту, с какао на борту, «Жанетта» исправляла такелаж!..» [5. С. 591]. Эмоция шторма, как и у К. М. Станюковича и В. С. Пикуля, гнев: *шторм сатанел* [5. С. 526].

Подобно В. С. Пикулю, В. В. Конецкий относится к *родному Баренцеву морю* как к равному: оно *плевало в физиономию мелкой холодной слюной. (...) И я тоже плюнул за борт* [5. С. 452]. В этом примере проявляется свойственная писателю ироничность — читатель понимает смехотворность симметричного ответа стихии на фоне реальной опасности.

Авторская стратегия реализуется с помощью адекватных языковых средств. Профессионализм подчеркивается употреблением специальной морской лексики: *днище, барашки стопорных механизмов, трюм, СТ (сухогрузный теплоход), крен, полный ход, шпангоуты, рубка, выгородки, кнехты* и т. д.; рефлексия материализуется глагольными лексемами *объяснять, записать, перепечатывать, вспоминать, мечтать*, многократным повторением лексемы *думать*, вводного слова *пожалуй*.

Полиmodalно описание шторма, настигшего капитана недалеко от Фарерских островов. Писатель не скупится на дескрипции ощущений со стороны всех органов чувств. К аудиовизуальным средствам (*Море все покрыто полосами пены. Ветер, срывая гребни, несёт пену и брызги, наполняющие воздух и значительно уменьшающие видимость; грохот волн; штормовые облака гремят железом* [5. С. 588]) добавляются вкус (*Солнце и небо делаются солёными* [Там же]), осязание (*Корабельная сталь делается мягкой* [Там же]) и ольфакция (*Обыкновенная бумага вдруг начинает пахнуть ржавой селедкой, а стекло рубочного окна — свежестью и электричеством* [Там же]). Метафоричны размышления писателя о цвете штормовой волны. Это и *старое, давно не чистенное серебро, и папиросный пепел, и даже грязная портянка* [5. С. 591].

Автор активно использует приём олицетворения, прежде всего посредством звукоподражательных глаголов: *ржавое железо в трюме скрипело, визжало, стонало, выло, гремело, мы-*

чало, ныло, скулило [5. С. 451]. Судно в шторм трансформируется в получающего удары в корпус *боксёра*, в изгибающуюся *стальную змею* [5. С. 452]. В. В. Конецкий описывает растерянность захлестнувшей палубу воды, которая не может отыскать путь обратно в море и напоминает *на смерть перепуганного зверька* [5. С. 589]. Океан в одиннадцатибалльный шторм похож на *обиженного неудачей старика-спортсмена*, который в упор смотрит на капитана *злыми серыми глазами* [5. С. 590].

Заключение

Подводя итог, необходимо обобщить выявленные сходства и различия в стратегиях, выбранных писателями для отображения одного из самых впечатляющих природных явлений — морского шторма.

К сходствам, несомненно, относится изображение героики повседневного подвига моряков, величия стихии через восприятие персонажей, которые испытывают две эмоции — восторг и ужас — в ответ на гнев океана. Повествованию свойственна документальность происходящих событий.

В процессе языковой аранжировки авторского видения, наряду с визуальным рядом, особое значение приобретает аудиальная составляющая штормового пейзажа, репрезентируемая звукоподражательными глаголами, сравнениями и метафорами. У В. С. Пикуля она представлена максимально разнообразно.

Реализм морского нарратива обеспечивается за счёт морской терминологии, которая используется авторами в разном объёме и носит разнородный характер: у К. М. Станюковича — парусная; у В. С. Пикуля — военно-морская; у В. В. Конецкого — сухогрузная.

Все писатели в той или иной степени метафоризируют шторм, наделяя его чертами живого, часто недружелюбного существа. Превалируют натурморфные и зооморфные метафоры. У всех авторов встречается универсальная натурморфная метафора штормовой волны: *океан с его водяными горами* [15. С. 111]; *водяных глыбах* [16. С. 96]; *глыба воды; водяная гора* [11. С. 181]; *водяными горами и холмами* [5. С. 630]. Олицетворение в большей степени используется В. В. Конецким.

Уникальность авторской репрезентации шторма проявляется в жанровой специфике, тональности, темпоритме, лексическом своеобразии.

К. М. Станюкович рисует классическую, построенную на контрасте, эпически-психологическую

картину шторма, который подвергает испытанию дух моряков. Повествование носит крайне эмоциональный, временами патетический характер, в фокусе внимания автора — преодоление моряками страха перед стихией. Лексическая самобытность проявляется в обилии колоритных эпитетов.

Эпизодам шторма у В. С. Пикуля свойственны высокий динамизм, имплицированность эмоций, характерные для жанра военно-морского романа. Автор фокусируется на действиях, физических ощущениях. Стремительность напряжённого

и драматичного повествования реализуется короткими предложениями, глаголами резкого действия, ономампеей, быстрой сменяемостью образов.

В путевых заметках В. В. Конецкого на первый план выходит рефлексия на фоне разгула стихии, шторм — рутина, повод для размышлений. Тон нарратива иронично-философский, профессионально-сдержанный, темпоритм умеренный. Это интеллектуальное и личностное переживание, воплощённое в предельно метафоризированный текст.

Список источников

1. Давыдова А. В., Меньшикова И. А. Образ Севера в повести В. С. Пикуля «Мальчики с бантиками» // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 2 (23). С. 109–118. DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.02.23.011.
2. Истомина С. М. Одорический признак как объект оценочного восприятия в повести К. М. Станюковича «Вокруг света на «Коршуне»» // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 11–5 (81). С. 343–346.
3. Истомина С. М. Оценка морского пейзажа как отражение культурных традиций (на материале повести К. М. Станюковича «Вокруг света на «Коршуне»») // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования: сб. ст. по материалам LXI Международной научно-практической конференции. № 6 (55). М. : Изд-во «Интернаука», 2022. С. 90–94. DOI:10.32743/25419870.2022.6.55.342307.
4. Какзанова Е. М. Термины-эпонимы в профессиональном языке моряков (по повести В. С. Пикуля «Мальчики с бантиками») // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 31 (322). Вып. 84. С. 92–95.
5. Конецкий В. В. Вчерашние заботы. Солёный лёд. М. : «Известия», 1980. 656 с.
6. Кротов Н. И. Морской жаргон как выразительное средство художественного текста: (на материале романа В. С. Пикуля «Океанский патруль») // Молодежь и наука : материалы X Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых : 1.2. Красноярск : СФУ, 2014. С. 51–54.
7. Макарова И. С. Олицетворение водной стихии // Литературный Санкт-Петербург, июль (61), 2023. URL: <https://litgazeta.dompisatel.ru/archives/2467> (дата обращения: 15.08.2025)
8. Мягков А. Н. Вольный человек. Вместо предисловия / Виктор Конецкий: человек из морского пейзажа. Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету / автор-составитель Т. В. Акулова. СПб : Площадь искусств, 2014. С. 6–13.
9. Пикуль В. С. Крейсера: Роман. М. : Современник, 1989. 511 с.
10. Пикуль В. С. Мальчики с бантиками. Повесть. Л. : «Дет. лит.», 1979. 221 с.
11. Пикуль В. С. Океанский патруль: Роман в двух частях. Часть 1. М. : Современник, 1993. 480 с.
12. Пикуль В. С. Океанский патруль: Роман в двух частях. Часть 2. М. : Современник, 1993. 448 с.
13. Пикуль В. С. Три возраста Окини-сан. Сентиментальный роман. М. : Современник, 1984. 384 с.
14. Соболев Л. О Константине Михайловиче Станюковиче / Станюкович К. М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 1. М. : Изд-во «Правда», 1977. С. 3–14.
15. Станюкович К. М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 3. М. : Изд-во «Правда», 1977. 446 с.
16. Станюкович К. М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 6. М. : Изд-во «Правда», 1977. 430 с.
17. Урбан А. Послесловие. Проза Виктора Конецкого / Конецкий В. В. Вчерашние заботы. Солёный лёд. М. : «Известия», 1980. С. 636–652.

18. Фесенко Э. Я. Арктика в русской прозе XX в. // Полярные чтения – 2021. Художественное освоение Арктики: полярные регионы в культуре, искусстве и философии. регионы в культуре, искусстве и философии: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2021 г.). М. : Паулсен, 2022. С. 378–384.
19. Чжан М. «Загадка К. М. Станюковича» в осмыслении науки и критики // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Том 4 (70). № 2. С. 63–88.
20. Чжан М. Циклообразующие связи в первом сборнике К. М. Станюковича // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Том 4 (70). № 4. С. 97–124.

References

1. Davy`dova AV, Men`shikova IA. The image of the North in VS Pikul's novel "Boys with bows". *Severo-Vostochny`j gumanitarny`j vestnik = Northeastern Humanitarian Bulletin*. 2018;(2(23)):109-118. DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.02.23.011 (In Russ.).
2. Istomina SM. Odoric sign as an object of evaluative perception in KM Stanyukovich's story "Around the World on "Kite". *EvrAzijskoe Nauchnoe Ob`edinenie = Eurasian Scientific Association*. 2021;(11-5(81)):343-346. (In Russ.).
3. Istomina SM. Assessment of the seascape as a reflection of cultural traditions (based on the story of KM Stanyukovich "Around the World on "Kite"). *Kul`turologiya, iskusstvovedenie i filologiya: sovremennyye vzglyady` i nauchny`e issledovaniya = Cultural studies, art history and philology: modern views and scientific research: collection of articles based on the materials of the LXI International Scientific and Practical Conference*. Moscow, Internauka Publishing House, 2022;(6(55)):90-94. DOI:10.32743/25419870.2022.6.55.342307 (In Russ.).
4. Kakzanova EM. Terms-eponyms in the professional language of sailors (based on the story of VS Pikul "Boys with bows"). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history*. 2013;(31-84(322)):92-95. (In Russ.).
5. Koneczkij VV. Yesterday's worries. Salty ice. M.: Izvestia, 1980. 656 p. (In Russ.).
6. Krotov NI. Marine jargon as an expressive means of literary text: (based on VS Pikul's novel "Ocean Patrol"). *Molodezh` i nauka = Youth and Science: Proceedings of the X All-Russian Scientific and Technical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists: 1.2*. Krasnoyarsk: SibFU, 2014:51-54. (In Russ.).
7. Makarova IS. The personification of the water element [Electronic resource]. *Literaturny`j Sankt-Peterburg = Literary Saint Petersburg*. 2023;(61). Available from: <https://litgazeta.dompisatel.ru/archives/2467> (accessed: 15.08.2025). (In Russ.).
8. Myagkov AN. A free man. Instead of a preface. In Victor Konetsky: the man from the seascape. Memories. Reflections. Touches to the portrait / compiled by TV Akulova. Saint Petersburg: Arts Square, 2014:6-13. (In Russ.).
9. Pikul` VS. Cruisers: A Novel. Moscow: Sovremennik; 1989. 511 p. (In Russ.).
10. Pikul` VS. Boys with bows. Leningrad: Children's literature; 1979. 221 p. (In Russ.).
11. Pikul` VS. Ocean Patrol: A novel in two parts. Part 1. Moscow: Sovremennik; 1993. 480 p. (In Russ.).
12. Pikul` VS. Ocean Patrol: A novel in two parts. Part 2. Moscow: Sovremennik; 1993. 448 p. (In Russ.).
13. Pikul` VS. The three ages of Okini-san. A sentimental novel. Moscow: Sovremennik; 1984. 384 p. (In Russ.).
14. Sobolev L. About Konstantin Mikhailovich Stanyukovich. In KM Stanyukovich Collected works in ten volumes. Vol. 1. Moscow: Pravda Publishing House; 1977:3-14. (In Russ.).
15. Stanyukovich KM. Collected works in ten volumes. Vol. 3. Moscow: Pravda Publishing House; 1977. 446 p. (In Russ.).
16. Stanyukovich K.M. Collected works in ten volumes. Vol. 6. Moscow: Pravda Publishing House; 1977. 430 p. (In Russ.).
17. Urban A. Afterword. The prose of Viktor Konetsky. In Konetsky VV. Yesterday's worries. Salty Ice. Moscow: Izvestia; 1980:636-652. (In Russ.).
18. Fesenko EYa. Arctic in Russian prose of the twentieth century. *Polyarny`e chteniya – 2021. Xudozhestvennoe osvoenie Arktiki: polyarny`e regiony` v kul`ture, iskusstve i filosofii. regiony` v kul`ture, iskusstve i filosofii = Polar Readings – 2021. Artistic exploration of the Arctic: polar regions in culture, art and philosophy. regions in culture, art and philosophy: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference*. (St. Petersburg, May 18-21, 2021). Moscow: Paulsen; 2022:378-384. (In Russ.).

19. Chzhan M. “The riddle of KM Stanyukovich” in the understanding of science and criticism. *Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni VI Vernadskogo = Scientific Notes of the VI Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 2018;(4-2(70)):63-88. (In Russ.).

20. Chzhan M. Cycle-forming connections in the first collection of KM Stanyukovich. *Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni VI Vernadskogo = Scientific notes of the VI Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 2018;(4-4(70)):97-124. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. М. Мартынова — доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

E. M. Martynova — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 31.08.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.